

И Щепкинъ продолжаетъ далѣе, что поѣхать онъ желаетъ къ другу не для того только, чтобы повидаться, а потому, что „поговорить бы о многомъ нужно: можетъ быть, моя старая голова навела бы и на твою голову добрую мысль“. Дѣйствительно, восторгъ и ликование Шевченка, получившаго радостную вѣсть о скоромъ пріѣздѣ Щепкина, были безмѣрны. „Я жду къ себѣ изъ Москвы“,—пишетъ онъ одному другу,—„дорогого гостя. И кого, вы бы думали, я такъ трепетно ожидаю? 70-лѣтняго знаменитаго старца и сердечнаго друга моего, М. С. Щепкина! Не правда ли, дорогой гость у меня будетъ? Да еще какой дорогой! единственный! И дѣйствительно, это единственный и счастливѣйшій человѣкъ между людьми: дожить до дряхлости физической и сохранить всю юношескую свѣжесть нравственную! Это—явленіе необыкновенное. Мы не видались съ нимъ съ 1847 года, и такъ какъ мнѣ воспрещень въѣздъ въ столицы, то онъ, старецъ-юноша, несмотря на морозъ и вьюгу, ѣдетъ ко мнѣ единственно для того, чтобы поцѣловать меня! Не правда ли юноша? и какой сердечный, пламенный юноша! Я горжусь моимъ старымъ гениальнымъ другомъ, и горжусь справедливо“.

Умѣя ласкать и нѣжно холить своихъ друзей, Щепкинъ умѣлъ ихъ и пожурить, если они своимъ поведеніемъ могли повредить себѣ же или своему доброму имени. Щепкинъ изъ себя вышелъ, когда узналъ отъ одного общаго знакомаго, что Шевченко, проводивъ своего друга изъ Нижняго, зацѣлъ съ тоски. „Никакая пощечина“,—пишетъ онъ Шев-